

РАЛЬФ ПАРКЕР, журналист с мировым именем, доктор Кембриджского университета, приехал в нашу страну в 1941 году как корреспондент газеты «Таймс». В СССР его привлекли думы и совесть человека, который был захвачен борьбой народов против фашизма и, став журналистом, нашел свое место в этой борьбе.

Читатели многих стран по его статьям, корреспонденциям, заметкам узнавали во время Отечественной войны о наших ратных подвигах, о жизни нашего государства.

Ральф Паркер — активнейший сторонник мира. Борясь за мир, он всегда шел в гущу жизни, побывав в последние годы и на своей родине — в Англии, и в других странах — Италии, Индии, Индонезии. Писал он, по его словам, с одинаковым увлечением и для министров, и для домашних хозяек. И каждая его заметка, каждая статья и книга были отмечены печатью мастерства и яркой авторской индивидуальности.

Двадцать три года Паркер прожил в Советском Союзе. Он был нашим большим другом и никогда, ни при каких условиях не менял своего отношения к Стране Советов и Коммунистической партии.

Смерть внезапно вырвала его из жизни 25 мая 1964 года. Было тогда Ральфу Паркеру всего 56 лет.

Ральф Паркер оставил большой архив, сохранилось множество его записей, набросков и уже готовых статей, по разным причинам так и не увидевших света. Есть среди них и статьи об искусстве. Искусство было самой глубокой, заветной его любовью. Необыкновенно трудолюбивый, не знавший дня без работы, он радовался каждой возможности посмотреть живопись или скульптуру, послушать музыку.

Мы публикуем сегодня две статьи Ральфа Паркера, посвященные советскому искусству.

Ральф Паркер. 1959 г.

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

рассказывал, вернее, объяснял мне свою концепцию создания симфонии. Мы сидели за круглым столиком со стаканами остывшего чая на фоне морозных узоров оконного стекла; лицо Шостаковича выражало желание передать свою мысль как можно яснее и проникновеннее. Рука его, словно отбивая ритм только что рожденного скерцо, стряхивала пепел горящей папиросы, которой он затыкался, пользуясь паузами удивительно ритмичного разговора, — неожиданно возникла столь теплая атмосфера, словно беседовали давние друзья.

Симфония представлялась Шостаковичу борьбой злых и добрых сил — борьбой, в которой грохот войны лишь оттенял мелодию человеческих чувств, как звуки бури оттеняют вопль попавшего в беду человека или как порыв ветра доносит, усиливая, крик рожденного ребенка.

Музыка Шостаковича, фактуру которой составляют трагические коллизии, становится прозрачной, как только слушатель почувствует в ней голос природы.

Природа для Шостаковича — это Человек, и если

ШОСТАКОВИЧ ГОВОРИТ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ...

можно сравнить это откровение с музыкой Вивальди, или «Альпийской симфонией» Штрауса, или с великими произведениями Баха, то музыкальный язык Человеческого у Шостаковича так же ясен, первозданен и могуществен, как картины сражения скал и туч в снежной пурге «Альпийской симфонии», как спор легенды с правдой у Баха и как игра ритмовых глассов в музыке Вивальди, где природа участвует в битве человека и зверей, выступая в роли живой силы разума. И если у Чайковского русская природа отражена, как берега в зеркале озер, в древних преданиях народа, то музыка Шостаковича открывает мир дум и страстей Советской России, подавая слушателю руку человека, закрывшего грудью пулемет, руку матери, потерявшей на фронте детей, руку самой Молодости, мелодию ее взволнованного сердца, широту ее небес и размах ее скрытых, потаенных сил.

Из
неопубликованного
Забитого

РАЛЬФ ПАРКЕР ОБ ИСКУССТВЕ

Первый раз я слушал Седьмую симфонию по трансляции из Ленинграда вместе с писателем Евгением Петровым незадолго до того, как он трагически погиб. Радио всегда искажает звук, но на этот раз чистота приема была удивительной, и мы оба долго не могли расстаться друг с другом: так властно проникли в наш мозг созвездия мелодий Шостаковича и их удивительная борьба между собой.

Проводив Петрова, я, к ужасу коридорного в гостинице «Метрополь», подошел к стоявшему в углу пианино и начал тихонько наигрывать подобия каких-то мотивов, а потом стал писать статью, закончив ее с первым лучом света, призрачно скользнувшим сквозь узенькую щелку черных занавесей. Новый день неотвратимо заявлял о своем рождении.

В этот новый день мир обогатился новым шедевром человеческого гения: советский композитор поднял знамя прекрасного искусства над кровавыми деяниями фашизма. Эту симфонию надо играть и надо ее слушать. Статья о ней — это скромное приглашение, напоминание человеческим сердцам и умам: «Слушайте эту великую музыку, и вы победите зло!»

Молодость позволяла мне в то время писать статьи, отягченные, с точки зрения редакторов, красками эмоционального волнения. А сухая лаконичность мысли — единственное, что приносит успех журналисту, призвание которого состоит в том, чтобы быть совестью своего народа. Раздумывая о парадоксальности моей профессии немало занимали меня в ту пору, и как только мне становилось невтерпёж от их гладиаторских боев внутри черепа, я шел слушать музыку. Я мечтал о том, чтобы математически и астрономически точные созвучия Баха и Бетховена, Шостаковича и Прокофьева, Хачатуряна и Глиэра, песни Африки и южноамериканских островов стали доступными самым широким кругам слушателей. Для этого стоит быть журналистом — для одной возможности написать тысячам читателей короткую пригласительную фразу:

«Слушайте эту великую музыку, и вы победите зло!»
1942.

В ДНИ войны я посетил выставку художника Корина.

Повели меня к нему советские друзья под честное слово, что я буду смотреть его работы, так сказать, инкогнито. Долго, мол, объяснять, что вот я, англичанин, иностранный корреспондент, а живу мечтой увидеть русское искусство сияющим ярким солнцем по всему миру. В то время как-то принято было считать: каждый иностранец мог быть и шпионом — и вы попадали в объятия богини Шпиономании, если в кармане у вас оказывалось вечное перо, которым теперь пишет любой школьник, и фотоаппарат, который ныне, если уж он хорош, то непременно носит гордую марку советского завода.

Я был совершенно нем и, подобно ребенку, взирающему на грудку игрушек, сразу почувствовал себя гостем картин.

Живопись Корина, освещенная неярким электрическим светом и опаловыми лучами морозного московского неба, открыла мне громадный мир исторического прошлого России.

Пожалуй, никто со времен Эль Греко не владел палитрой с такой мужественностью и уверенностью. Есть сведения, что Эль Греко побывал на Руси во времена расцвета новгородской живописи; познав секреты мастеров иконописи, секреты приготовления красок для фресок и парсун, он сильно обогатил западное искусство.

Под рукой Корина вновь расцветало древнее мастерство, ибо нет такой живописной техники, которая не была бы ему известна. А стиль его искусства как одна из форм русского реализма впервые убедил меня, что таинственный для иностранцев термин «социалистический реализм» — это философский метод. Это мировоззрение художника нового социалистического общества, усвоившего громадный опыт мировой культуры и отбирающего из всех течений и форм все то, что дает действительное представление об искусстве народов мира.

Гений народов выражает художник... Отобрать самое прекрасное из таланта народа — это задача нового социалистического общества. Это прекрасное должно обрести долгую жизнь, которую искусству дает только новый мир. В старом мире оно живет в частных коллекциях, громадных музеях, разбросанных в больших городах, далеко за океаном, вдали от значительной массы народа. Даже в странах, где искусство стало частью жизни и быта городов, как в Греции, Италии и Индии, доступность его народу условна или затемнена эклектическими словопроениями о подробностях биографий художников.

Советские люди еще долго будут относиться с пренебрежением, отвращением или равнодушием к изысканностям модернизма. Это можно понять, хотя мне порой бывает досадно оттого, что ни одному человеку не под силу рассказать миру о всех художниках, создающих в каждой своей картине новую форму, в которой

ЖИВОПИСЬ КОРИНА

отражается жизнь и которая становится частью жизни, отраженной искусством.

Здесь дело в степени таланта художника. Если он могуч, то он создает могучее прекрасное, и оно живет. Если он только учится плавать в пучине искусств, то его бурные всплески вправе вызывать и удивление, и смех, и безразличие новой публики, которая для меня олицетворена в образе явившейся на выставку молоденькой работницы с высокими скулами, прихорошенной линией прически головой, зажигающимися, как звезды, глазами при столкновении с каждой интересной мыслью. У этой работницы тонкие пальчики, натренированные профессией, она читает серьезные книги, занимается спортом, при встрече с эфемерными журналистами от искусства — назовем их так! — она смущенно улыбается. А вот при встрече с богатырским талантом происходит внезапное обогащение ее чувств, и оно сохраняется памятью сердца, никогда не затухая. А художник, так сказать, плохо плавающий, не должен сетовать, если этот тоненький пальчик потопит его без сожаления.

Коринские русские богатыри, характеры духовных воителей с монгольским игом, пантократорские своды лбов его мудрецов с их благородной душевной чистотой, мужественностью линий, будь это морщина или складки шафрановых плащей, блеск свежеевкованного булата, свободная одухотворенность коринской композиции дали мне право записать в дневнике: вот она, новая Академия художеств СССР. Доживем ли мы до времени, когда мышление человека нового общества обретет, кроме способа познания понятиями, еще и способ познания представлениями?

Когда говорят, что в человеке — гений его народа, то это значит, что человек нужен обществу, в котором он живет.

В творчестве Корина для меня торжествуют народные традиции гениальных палешан, школа русских художников в целом; образность мышления Корина воскрешает тысячелетнюю историю характера русского человека во всей его сложности — он, этот характер, отражен у Корина манерой гармонии, всепроникающей целостностью колорита, линий и форм.

Талант Корина будет питать многих художников, даже тех, которые предпочитают мышление понятиями в ущерб мышлению образами. Тот, кто не постигнет богатырской мощи Корина, — тот не может проявить в своем творчестве гений народа.

Великолепная радуга палитры армянских художников, молодое и маститое поколение театральных художников Советского Союза, армия советских графиков — все это я отношу к мастерам, создавшим новые формы, в которых отражена жизнь и которые стали частью жизни.

Если бы произведения советских художников, в част-

ности графиков, вдруг сделались доступными, как доступны газеты, то их раскупали бы люди разных стран с той быстротой, с которой расхватывался бы газетный лист, сообщавший о полете на другую планету. В Австралии, Индонезии, Европе истинные художники в самых трудных условиях создают мировые шедевры только тогда, когда они по мировоззрению стоят впереди своего общества и обладают могучим образным мышлением. Великолепный яванский Хусейн, воин-художник Тэкле, Сикейрос, вырвавшийся из цепей Английской академии Мур, японские художники, млечный путь индийских мастеров — все они не смеют и мечтать о возможностях, предоставленных советским художникам. Недалеко время, когда путь каждого таланта будет идти через Советский Союз: в народных университетах искусств здесь находится школа познания и любовного понимания искусства.

История для Корина, как мифы и легенды для мастеров прошлого, стала животрепещущей жизнью сегодняшнего дня. Такое отношение к прошлому и дает художнику возможность обрести свою индивидуальную манеру, то юношески порывистую, то истинно зрелую и мудрую — эту мудрость с восхищением я находил в работах Корина, а после знакомства с его творчеством чувствовал у Кленкова, Сарьяна и их учеников.

Ныне советские художники, безусловно, станут работать над созданием новых форм декоративного искусства, заглядывая в будущее; они не забудут и значительных ценностей прошлого, но они выразят — скажу я с уверенностью — чувства новых поколений, новых людей. В этом уже нельзя будет усматривать влияния или подражания раздражающим школам и школкам, существующим за рубежом; созданное советским художником искусство — новое искусство социалистического общества; реальность его форм определяется динамикой советского мышления и щедрой, богатырской природой советского человека.

Как-то при мне один иностранец спросил советского художника, сколько тот желает получать зарплаты после войны. Художник воздел руки к небу, воскликнув: «Не знаю! Но вот пять миллионов метров пленки мне необходимо будет получить от государства, чтобы запечатлеть весну моей Родины и звенящую, веселую песню, которую запоет весь мир!»

В работах Корина — радость художника и его страдания. Работы Корина — школа для молодых художников; их имена мы, несомненно, увидим в новых книгах об искусстве Советского Союза, которые должны стать на полках рядом с прекрасными изданиями работ художников прошлого всех стран. Время для этого наступило.

У России есть Корин, и если в тот вечер он открыл мне будущую силу советского искусства, то нет сомнения, что его народ распознает в нем носителя таланта всей Советской страны.

И это увидит и мой народ, и все другие народы.